возмущаетъ то, что искусство предъявляетъ запросъ на огромное количество труда. Онъ передаетъ, въ видѣ примѣра, впечатлѣніе, полученное имъ отъ постановки оперы; онъ негодуетъ на грубую брань, которою разражается дирижеръ по адресу хористовъ, музыкантовъ, танцовщицъ. Нерѣдко слышишь ругательства на работахъ въ деревнѣ и городѣ. Но тяжелое впечатлѣніе смягчается тѣмъ, что люди заняты дѣломъ важнымъ. Здѣсь же происходитъ нѣчто, совсѣмъ ничтожное. Толстой недоумѣваетъ, на кого разсчитаны эти заурядныя оперы: людямъ образованнымъ это уже надоѣло: настоящему рабочему человѣку это непонятно. Это можетъ нравиться только молодымъ лакеямъ и мастеровымъ, которые успѣли развратиться, набравшись господскаго духа.

А между тѣмъ, люди, посвятившіе себя искусству, могли бы служить народу. Въ каждой избѣ есть образа, картины; каждый мужикъ и баба поютъ; у многихъ есть гармоники: всѣ разсказываютъ исторіи и стихи; многіе читаютъ. Но живописецъ съ негодованіемъ отвергнетъ предложеніе писать безъ студіи, безъ костюмовъ и рисовать пятикопѣечныя картинки, а сочинитель не согласится бросить свои поэмы и романы и сочинять пѣсенники, исторіи, сказки, понятные неграмотнымъ людямъ.

Науки и искусства не способствовали движенію людей впередъ. Такъ называемое раздѣленіе труда, которое стало въ наше время условіемъ дѣятельности науки и искусства, является главной причиной медленнаго преуспѣянія человѣчества.

Такъ случилось именно потому, что люди науки и искусства занимаютъ привилегированное положеніе. Наука и искусство не составляютъ разумной дѣятельности всего человѣчества, которое выдѣляло бы для этого свои лучшія силы. Оберегая монополію этихъ занятій, маленькіе кружки извратили самое понятіе науки и искусства и потеряли смыслъ своего призванія. Они заняты только тѣмъ, что спасаютъ отъ скуки дармоѣдовъ.

Дѣятельность ученыхъ и художниковъ можетъ быть плодотворна лишь тогда, когда они стоятъ на уровнѣ высшаго міросозерцанія своего времени. Важно, чтобы они не знали правъ, а помнили только о своихъ обязанностяхъ [31]). Если люди призваны служить другимъ духовной работой, то, видя въ этой работѣ однѣ обязанности, будутъ исполнять ихъ съ самоотверженіемъ, не будутъ бояться трудовъ и лишеній. Дабы утѣшить людей, мыслитель и художникъ должны страдать вмѣстѣ съ ними. Онъ страдаетъ еще и потому, что всегда переживаетъ тревогу и вол-